

ФОРМИРОВАНИЕ РОССИЙСКОЙ ПОЛИТИКИ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Салимов Парваз Вахтангович
Соискатель, Дипломатическая
Академия МИД России

FORMATION OF RUSSIAN POLICY IN THE POST-SOVIET SPACE

P. Salimov

Annotation

Shaping of Russian policy in the post-Soviet space. Objective geopolitical interests of the states forming the Eurasian space, persisting historic and economic interdependence, common tasks of economic modernization make both these countries and Russia seek to intensify cooperation. The need to build constructive relations with the newly independent states is obvious. At the same time, success of Russia's policy aiming at deepening integration within the post-Soviet space is based on whether Russia will rest upon a clear theoretical concept. Through establishing of conceptual frameworks and systematization of the main mechanisms of Russia's policy in the post-Soviet space it is possible to distinguish several stages of its shaping and designate their respective economic and political approaches. The 1991 – 1995 period is marked by an attempt to understand the integration on the post-Soviet space by analogy with the Western European integration model. Since the second half of the 1990s, Russia's policy shaping in the post-Soviet space was noted for bringing to light the concept of "the multi-speed integration". The implementation of the "multi-speed integration" concept resulted in appearing of new regional and subregional groupings on the post-Soviet space since 1995: the Customs Union (1995), the Union of Belarus and Russia (1997), GUAM (1997). Search for compromise forms of relations between Russia and the newly independent states that would be able to preserve a certain level of mutual trade and industrial cooperation was underway. Since early 2000s the third stage began with obvious drift of Russian policy on the post-Soviet space from pro-Western to Eurasian logic as its hallmark. At the same time, it is obvious that the main dilemma of the Russian strategy is still the choice between the West and the East. This is what causes the strategic uncertainty of Russian policy on the post-Soviet space. The present study examines these and many other aspects related to the conceptual formation of Russia's policy on the post-Soviet space. A special emphasis is given to the analysis of features of integration models building by Russia and the newly independent states in the 1990s and 2000s. The content of Russia's national interests on the post-Soviet space is also revealed.

Keywords: Post-Soviet space, neo-Eurasianism, multi-speed integration, Eurasian integration.

Аннотация

Формирование российской политики на постсоветском пространстве. Объективные геополитические интересы государств евразийского пространства, сохраняющаяся историческая и экономическая взаимозависимость, общие задачи модернизации экономики заставляют и эти страны, и Россию стремиться к активизации взаимодействия. Очевидна необходимость выстраивания конструктивных отношений с новыми независимыми государствами. При этом, для успеха политики по углублению интеграции на постсоветском пространстве России следует опираться на четкую теоретическую концепцию. Установление концептуальных основ и систематизация основных механизмов политики России на постсоветском пространстве показало, что возможно выделить несколько основных этапов ее формирования и обозначить соответствующие им экономические и политические подходы. Период 1991 – 1995 гг. характеризуется попыткой осмыслить интеграцию на постсоветском пространстве по аналогии с западноевропейской интеграционной моделью. Начиная со второй половины 1990-х годов процесс формирования российской политики на постсоветском пространстве ознаменовался выдвижением концепции "разноскоростной интеграции". В результате реализации концепции "разноскоростной интеграции" с 1995 года на постсоветском пространстве стали появляться новые региональные и субрегиональные объединения – Таможенный союз (1995 г.), Союз Беларуси и России (1997 г.), ГУАМ (1997 г.) Шел поиск компромиссных форм отношений России с новыми независимыми государствами, позволяющих сохранять определенный уровень взаимной торговли и производственной кооперации. С началом 2000-х годов начался третий этап, отличительной чертой которого стал явный дрейф политики России на постсоветском пространстве в сторону от прозападной к евразийской логике. При этом очевидно, что главная дилемма российской стратегии – по-прежнему, выбор между Западом и Востоком. Именно этим и обуславливается стратегическая неопределенность российской политики на постсоветском пространстве. В настоящем исследовании рассматриваются эти и многие другие моменты, связанные с концептуальным становлением российской политики на постсоветском пространстве. Особое место отводится анализу особенностей интеграционных моделей, выстраиваемых Россией и новыми независимыми государствами в 1990-е и 2000-е гг. Раскрывается содержание национально-государственных интересов России на постсоветском пространстве.

Ключевые слова:

Постсоветское пространство, неоевразийство, разноскоростная интеграция, евразийская интеграция.

Распад СССР положил начало попыткам формирования политики России на постсоветском пространстве. Представляется очевидным, что для

того чтобы сформулировать тезисы любой политики необходимо четко определить некоторые базовые стратегические критерии и сущности, такие как: свое понима-

ние национального пространства, национальной безопасности и национальных интересов; определить параметры мировой системы, классифицировать весь комплекс факторов, формирующих современную действительность; а также выработать системы необходимых показателей и критериев каждого состояния. Четкое определение этих основ составляет фундамент национальной стратегии любого государства, без которой немислимо проведение сколь нибудь эффективной политики. Внешняя политика государства должна опираться на основы, которые ей дает национальная стратегия. Только после определения важнейших базовых показателей, критериев целей, направлений и рамок национальной стратегии возможно сформировать необходимую базу для всех видов политик и все они обретают свою определенность.

У России никогда не было отдельного официального документа, в котором были бы сформулированы базовые цели бытия нации, были бы определены основы национальной идеологии и сформулированы основы национального строительства и определены основные принципы построения государства. В конечном итоге, российское общество все еще задается вопросом, что есть Россия и каково ее место в мировой истории? Попытки ответить на эти вопросы выливались в метания между западничеством и славянофильством.

Этот фактор стал особенно очевиден после дезинтеграции СССР. У России в начале 1990-х гг. не было официально сформулированных основ национального стратегического целеполагания, что нашло свое отражение и во внешней политике ельцинской России. Как пишет известный российский исследователь А.Д. Богатуров, "российское руководство избегало ясно обозначать свои национальные интересы в сфере внешней политики, отождествляя их с интересами демократических стран, т.н. "сообщества мировых демократий" [12]. Москва настойчиво убеждала своих западных "партнеров" в том, что главная цель России состоит в поддержке инициатив Запада. Следуя логике нового мышления "по Ельцину", в рамках Концепции внешней политики Российской Федерации 1992г., Россия осмыслила себя не как государство с великой тысячелетней историей, а как "элемент демократического транзита". Именно в фарватере "демократической солидарности" ельцинская Россия, была встроена в западный либеральный глобальный проект [8].

Прежде всего, акцент следует сделать на том, что в рамках системообразующих документов (Беловежские соглашения от 8 декабря 1991г. [2], Алма-Атинский протокол к Соглашению о создании Содружества Независимых государств и Алма-Атинская декларация от 21 декабря 1991 г. [1]) изначально постсоветская интеграция была осмыслена ее творцами (Россия здесь играла

ключевую роль как "продолжательница" СССР) по аналогии с Западной Европой, без учета принципиальной разницы в организации наших пространств. Интеграция Западной Европы – это интеграция относительно "равновесных" и культурно однородных стран (Германия, Франция, Италия, Нидерланды, Бельгия и т.д.), при которой маленькие страны находят свое "место" не опасаясь подчинения и поглощения.

Можно согласиться с тем, что на постсоветском пространстве интеграция по типу западноевропейской невозможна по целому ряду причин, носящих исторический, геополитический, экономический и культурный характер [15]. Реальная "разновесность" постсоветских государств делает установление между ними "равноправных" отношений очень сложным делом. Повышенная этническая конфликтность нашего пространства никогда не отвечала подобным параметрам "вестфальской" старой Европы. И, наконец, сама природа постсоветского пространства предполагает со стороны России привычку к доминированию, страх других республик перед бывшим хозяином, который продолжает быть потенциально очень сильным соседом, обостренное самолюбие бывших подчиненных, не до конца освободившихся от своего "комплекса подчиненного", возможности и желание использовать в своих интересах желание России сохранить союз и свою роль в нем, а при дальнейшем изменении соотношения сил – показать прежнему "хозяину" его отнюдь не хозяйское место (отсюда и "качельное маневрирование" во внешней политике новых государств). Все это – не соответствует реалиям западноевропейской интеграционной модели.

Тем не менее, 14 мая 1993 г. главы государств Содружества решили срочно подготовить проект договора об экономическом союзе. Уже через полтора месяца проект был готов и 24 сентября 1993 г. 9 из 12 государств СНГ подписали в Москве Договор об экономическом союзе. Он предусматривал поэтапное создание "ассоциации свободной торговли": таможенный союз, общий рынок товаров, капиталов и рабочей силы и, наконец, валютный союз. Такая последовательность этапов в точности повторяла модель западноевропейской интеграции. Позднее к девяти странам – подписантам присоединились Туркмения и Грузия как полноправные члены, а Украина – в качестве ассоциированного.

Договор шаг за шагом обрастал новыми соглашениями: о создании зоны свободной торговли (15 апреля 1994г.), о Межгосударственном экономическом комитете (21 октября 1994г.), о платежном союзе (21 октября 1994г.). Апогеем "западноевропейской интеграционной парадигмы" на постсоветском пространстве в политике России можно считать документ под названием "Стратегический курс России с государствами-участниками Со-

дружества Независимых Государств" от 14 сентября 1995 года, который был настороженно воспринят в ряде стран [13]. Так, резкой критике подвергли документ представители Украины, Узбекистана и Грузии, расценившие его как прямое вмешательство во внутренние дела, диктат со стороны России. Из-за приднестровского конфликта осторожную позицию заняла Молдавия [11]. Таким образом, большинство из этих соглашений в масштабах СНГ оказались нежизнеспособными.

Несколько лучше ситуация выглядела в сфере военно-политического сотрудничества новых независимых государств, где наиболее значимым событием первой половины 1990-х гг. стало подписание 15 мая 1992г. в Ташкенте Договора о коллективной безопасности (ДКБ) шестью государствами – Россией, Казахстаном, Узбекистаном, Киргизией, Таджикистаном и Арменией. Позднее к нему присоединились Белоруссия, Азербайджан и Грузия. Договор не подписали Украина, Молдавия и Туркменистан. Тем не менее, интеграционные усилия в военно-политической сфере изначально лимитировались несколькими факторами: серьезные противоречия между странами-участницами ДКБ (с 2002г. ОДКБ) и их соседями по постсоветскому пространству (Армения–Азербайджан, Россия–Грузия); широкий спектр угроз безопасности невоенного характера в условиях гипотетической угрозы нападения со стороны третьих стран; наконец, изначальное отсутствие единой политической платформы, как это было в Варшавском договоре или как сейчас это существует в НАТО. И все же, несколько забегая вперед, стоит отметить, что среди всех интеграционных инноваций российской политики первой половины 1990-х гг. на постсоветском пространстве именно ОДКБ оказалась самым "долгоиграющим" и перспективным проектом. Изменение геостратегического баланса сил в Евразии после 2001г., две киргизские революции и "арабская весна" стали тревожным сигналом для лидеров центрально-азиатских государств. В этом заключаются, видимо, мотивы их согласия на расширение прерогатив ОДКБ, наделение организации новыми полномочиями по защите как от внешних, так и от внутренних угроз суверенитету и территориальной целостности стран-участниц.

Возвращаясь к событиям 1990-х гг., стоит отметить, что мировая реальность середины последнего десятилетия XX в. становилась все более противоречивой. В 1995 году достигла кульминации война в Боснии под эгидой "гуманитарной интервенции": естественные "права человека" были положены в основание "кризисного регулирования".

В том же году проводившиеся уже по новой Конституции 1993 г. выборы в Государственную Думу показали дальнейшее падение популярности Президента и рост

популярности антизападных сил в России. В начале 1996 г. слишком "прозападный" министр иностранных дел А.В.Козырев был заменен Е.М.Примаковым, имевшим репутацию сильного политика и умеренного государственника.

Внешняя политика России второй половины 1990-х годов перестала основываться на "демократической солидарности", постепенно ставя под вопрос либеральную трактовку базовых общечеловеческих ценностей. Запад не проявил "солидарности" с потребностями России, а сама она потеряла многие сферы влияния у своих границ. В такой ситуации внешнеполитическая стратегия России нуждалась в экстренной "перезагрузке". По мнению А.Д.Богатурова концептуальный смысл российской внешней политики второй половины 1990-х гг. лучше всего передает словосочетание "избирательное партнерство" с Западом [12]. Таким образом, маятник политики России качнулся в сторону от "западничества" к "славянофильству".

Говоря о политике России на постсоветском пространстве второй половины 1990-х годов, необходимо отметить, что в недрах самого этого пространства начала обретать контуры идея создания Евразийского союза, которая, впрочем, умышленно замалчивалась новой властью. Президент РФ Б.Н.Ельцин пренебрежительно отзывался о предложении Президента Казахстана Н.Назарбаева создать Евразийский союз [4].

Н.Назарбаев сыграл большую роль не только в продвижении идеи евразийской интеграции, но и в стимулировании становления такого идейного течения как неоевразийство. Помимо его государственно-политической деятельности и инициатив по созданию и деятельности Содружества Независимых Государств, Н.А.Назарбаеву принадлежит заслуга разработки ряда теоретических проблем евразийского пространства и его интеграционного потенциала [10]. Назарбаев обосновал идею более интенсивной интеграции евразийских стран: тесное экономическое сотрудничество, совместное решение оборонных, экологических проблем, создание общего культурного, информационного пространства. При этом он подчеркивал, что в интеграции этих стран "стержнем может стать именно Россия", хотя системообразующая роль России не тождественно в его концепции российскому доминированию [10]. Ему же принадлежит авторство детального проекта "Формирование Евразийского Союза государств" [5].

Однако все его идеи вплоть до последнего времени не находили поддержки среди российской правящей элиты (да и у среднеазиатских соседей, и тем более на Украине) и в результате не стали основой конкретной реализуемой программы.

А пока, вторая половина 1990-х годов в процессе формирования российской политики на постсоветском пространстве ознаменовалась выдвижением концепции "разноскоростной интеграции". Ее суть заключалась в том, что на каждой стадии интеграции (зона свободной торговли, таможенный союз, общий рынок и т.д.) первоначально могут объединяться лишь те страны Содружества, которые выражают готовность к такому сотрудничеству. Впоследствии к ним могут присоединяться и другие страны, а группа наиболее продвинутых государств может переходить на следующий более высокий уровень интеграции [16].

В результате реализации концепции "разноскоростной интеграции" с 1995 года на постсоветском пространстве стали появляться новые региональные и субрегиональные объединения – Таможенный союз (1995 г.), Союз Беларуси и России (1997 г.), ГУАМ (1997 г.). Необходимо отметить, что все это происходило в условиях экономической рецессии и усиливающегося политического и экономического давления на новые государства со стороны третьих игроков (прежде всего США и ЕС).

Так, страны ГУАМ при отсутствии внятных экономических целей объединило стремление совместно противостоять доминированию России и со временем интегрироваться в "цивилизованную" Европу.

Но "разноскоростная интеграция" вновь наступила на одни и те же грабли: постепенное воспроизведение сценария западноевропейской интеграции, но с учетом опыта стран "новой" (Центральной Восточной) Европы. Можно согласиться с тем, что общим моментом для всех новых независимых государств, участвующих в разноскоростном процессе, являлось то, что "в этот период большое значение имело привнесение на национальную почву опыта стран, уже осуществивших рыночный переход" [3]. Речь идет о создании институтов рынка, либерализации экономики и ее открытия. В силу этого, своеобразным итогом "разноскоростной интеграции" к концу 1990-х гг. стало то, что включение стран постсоветского пространства в процессы сотрудничества с "дальним зарубежьем" оказалось более широким и активным, чем в процессы постсоветской интеграции. Маятник российской политики на постсоветском пространстве, качнувшись в сторону "славянофильства", вновь замер на "западничестве".

Тяжелым испытанием для российской внешней политики оказалась идеологическая ("гуманитарная") подоплека нападения НАТО на Югославию (фактически Сербию). Хотя формально целью натовской "гуманитарной интервенции" было пресечение нарушения прав человека в Косово, на самом деле "военное принуждение к миру" Белграда было первым опытом реализации американской доктрины "смены режимов" под прикрытием за-

щиты "гуманитарных ценностей" [14].

27 июня 2006 г. президент В.В.Путин провел обычную деловую встречу с послами и представителями Российской Федерации в МИД. Причиной для встречи послужило нападение террористов на российских дипломатов в Багдаде в мае 2006 года, которое привело к их гибели. Речь президента стала самым насыщенным из всех выступлений российских лидеров со времен крушения СССР. По сути в первый раз были ясно выражены новые приоритеты России в мировом масштабе.

Примечательно, что впервые за 15 лет ориентирами страны выступали не ее отношения с Западом, а широкая мировая проблематика. Новое осознание роли России в мировой политике как самостоятельной и самоценной спустя некоторое время прозвучало в Обзоре внешней политики Российской Федерации, опубликованном Министерством иностранных дел в марте 2007 года. Здесь осмысление мировой роли России как "сильной и более уверенной в себе державы" оказывается уже сквозным [9].

Среди содержательных новаций 2006–2007 годов можно выделить несколько групп, позволяющих проследить новый вектор российской внешней политики.

Во-первых, документы показывают, насколько усложнилось российское мировоззрение в общем. Сложное отношение к глобализации как процессу неизбежному, но и направляемому из США и подрывающему как стабильность мирового развития, так и международные позиции России, нашло сдержанную, но четко выраженную оценку. Осмысливая мир как "многополярную конструкцию международных отношений", констатируется тот факт, что в мир вновь приходит равновесие, утраченное в 90-х годах.

Во-вторых, в по-новому представлялись и источники угроз международной стабильности. Если в 1990-х годах таковыми было принято считать незаконность внутренних трансформаций в самой России (!), то в 2000-х понятие внешних угроз возвратилось. Среди них можно выделить – расширение конфликтного пространства в мировой политике, попытки создания "однополярного мира", навязывание другим странам своих политических систем и моделей развития, произвольное применение и толкование международного права [9].

В-третьих, обращает на себя внимание, что в российских официальных текстах почти нет слова "конфронтация", но в них стал встречаться термин "конкуренция" ценностных ориентиров и моделей развития.

В-четвертых, российское руководство впервые смогло обрисовать оптимальный для него вариант принятия международных решений как своеобразную модель поведения в рамках игры, ведущейся по чужим правилам.

В данном контексте смеем утверждать, что речь идет о попытке формулирования российского глобального проекта как антитезы глобальному западному проекту. Параметры новой внешней политики России, сформулированные в 2006–2007 гг. программными заявлениями президента РФ В.В.Путина нашли свое логическое завершение в его выступлениях на 43 международной конференции по проблемам безопасности в Мюнхене, XI Петербургском экономическом форуме и легли в основу двух последующих Концепций внешней политики России от 2008 и 2013 годов.

В этой связи, существенную трансформацию стала претерпевать и политика России на постсоветском пространстве. Примечательно, что в качестве теоретической базы такой политики В.Путин взял за основу идеи евразийства. По его мнению, эта идея очень важна для выстраивания настоящих партнерских отношений на территории СНГ [6].

Именно в данном ключе с конца 1990-х годов стали предприниматься попытки активизировать сотрудничество на постсоветском пространстве. В декабре 1999 г. был подписан Договор о создании Союзного государства Белоруссии и России (СГБР), а в октябре 2000 – Договор об учреждении Евразийского экономического сообщества, в соответствии с которым Таможенный союз был преобразован в международную экономическую организацию с определенным механизмом принятия решений. В 2001 г. была учреждена Шанхайская организация сотрудничества, цель которой обеспечение безопасности в Центральной Азии.

В начале 2003г. РФ инициировала проект ЕЭП в составе четверки (Белоруссия, Казахстан, Россия и Украина). Появление этих проектов ряд исследователей связывают как с попыткой продвижения евразийского интеграционного вектора на постсоветском пространстве, так и с исчерпанием в постсоветских странах экономического роста. В качестве "внешних" мотивов появления подобных проектов часто указывается реакция России на расширение ЕС, который стремился расширить свое влияние на территории постсоветских государств, используя разные проекты: еврорегионы, программа ТАСИС (до 2007г.), механизмы европейского соседства и партнерства, Восточное партнерство [7].

На Украине проект ЕЭП стал одной из причин "оранжевой революции" и потерял свою актуальность. Реализация проекта Союзного государства из-за возникших противоречий между Белоруссией и Россией в большей его части в 2004 г. была приостановлена. В последующие годы в связи со стремлением России продавать природный газ соседним странам по "рыночным" ценам стали усиливаться торговые противоречия, принимавшие формы "газовых, молочных, винных и т.п. войн".

Столкнувшись с острыми противоречиями на западе постсоветского пространства, Россия пыталась добиться успеха на юго-восточном. В начале 2006г. к ЕврАзЭС присоединился Узбекистан, чему предшествовало вступление России в 2004 г. в Организацию центральноазиатского сотрудничества. Фактически это означало объединение обеих организаций. Летом 2006г. было принято решение о создании Таможенного союза в рамках Сообщества в составе Белоруссии, Казахстана и России. Но в конце 2008г. свое участие в ЕврАзЭС заморозил Узбекистан, до этого произошла нормализация его отношений с западными странами.

Говоря о российских внешнеполитических концептуальных документах, следует отметить, что в Концепции внешней политики РФ 2008 г. нашли свое отражение новые "евразийские" акценты в отношении России к государствам Содружества. Так, в первую очередь, обращает на себя внимание, что в сфере обеспечения региональной безопасности приоритет отдается организации ОДКБ, а в сфере экономического сотрудничества – ЕврАзЭС. Ключевыми партнерами в этой связи видятся Белоруссия и Казахстан, с которыми Россия намерена активно работать по всем азимутам.

Наряду с Концепцией внешней политики Президент Д.А.Медведев утвердил новую "Стратегию национальной безопасности до 2020 г.", в которой подчеркивается значимость развития отношений внутри СНГ и приоритетность этого направления для России.

На уровне Правительства РФ в тот же самый период были одобрены Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года (раздел "Внешнеэкономическая политика") и Основные направления внешнеэкономической политики Российской Федерации на период до 2020 года. Эти документы конкретизируют основные экономические интересы России на постсоветском пространстве, формулируют ключевые принципы и приоритеты внешнеэкономической политики в регионе.

На наш взгляд, несмотря на такое обилие документов евразийской направленности, политику России на постсоветском пространстве на рубеже первого и второго десятилетий 2000-х годов, что хронологически совпадает с президентством Д.А.Медведева, все же нельзя назвать стратегически определенной. Так, в этот период было много заявлений российского руководства о том, что в условиях начавшегося глобального финансово-экономического кризиса необходимо использовать ситуацию для укрепления лидирующих позиций России в Содружестве, через оказание экономической помощи партнерам, активизацию инновационного фактора в сотрудничестве, но особенно – усиление финансовой и ва-

лютной политики. Тем не менее, официальные лица, в том числе представители МИД РФ, заявляли, что России "не стоит платить за геополитику". В 2008 году сенсацией стало выступление министра иностранных дел РФ С.Лаврова перед иностранными бизнесменами в Москве, когда он заявил, что всем странам следует "отбросить геополитические игры" и, взаимодействуя друг с другом спасать мир от финансового кризиса. Для эффективности усилий он предложил "работать над созданием единого экономического пространства между Россией, США и Евросоюзом" [7]. Даже западных обозревателей удивили такие заявления, тогда как Россия активно создает "евразийский проект" (Таможенный союз и планы по реализации ЕЭП к 2012г.).

В начале 2010 г. во внешнеполитических и концептуальных подходах РФ прозападные акценты стали еще более заметными. В качестве своеобразной квинтэссенции данной ситуации можно рассматривать аналитический доклад Института современного развития (ИНСОР), в котором его авторы – И. Юргенс и Е.Гонтмахер – предлагают в качестве долгосрочной стратегии внешней политики страны принять ориентир на вступление в НАТО и Евросоюз. При этом в тексте идет речь именно о членстве (!) России в этих структурах [17].

В начале 2013 г. была принята очередная – пятая по счету Концепция внешней политики РФ, в которой уже традиционно развитие двустороннего и многостороннего сотрудничества с государствами-участниками СНГ остается приоритетным направлением российской внешней политики. В качестве важнейшей внешнеполитической задачи ставится формирование Евразийского экономического союза, который бы задействовал экономические связи на постсоветском пространстве и стал бы моделью объединения, открытого для других государств.

Таким образом, в контексте реализации интеграционных проектов, интеграция в российском концептуальном видении вновь обрела отчетливые евразийские контуры.

Подводя некоторый итог нашего исследования российской политики на постсоветском пространстве, считаем возможным выделить основные этапы ее формирования и обозначить соответствующие им экономические и политические подходы:

◆ 1991 – 1995гг. Попытка осмыслить интеграцию на постсоветском пространстве по аналогии с западноевропейской интеграционной моделью. В рамках

такой логики все многокультурное постсоветское пространство предполагалось реформировать по универсальной либеральной схеме. Как итог – несостоятельность большинства выдвинутых Россией интеграционных проектов (Договор об экономическом союзе от 24 сентября 1993 г.; Соглашения о создании зоны свободной торговли от 15 апреля 1994г., о Межгосударственном экономическом комитете от 21 октября 1994г., о платежном союзе от 21 октября 1994г. Насколько лучше ситуация выглядела в сфере военно-политического сотрудничества, где наиболее значимым событием первой половины 1990-х гг. стало подписание 15 мая 1992г. в Ташкенте Договора о коллективной безопасности (ДКБ) среди всех интеграционных инноваций российской политики первой половины 1990-х гг. на постсоветском пространстве именно ОДКБ оказалась самым перспективным проектом.

◆ 1996–1999 гг. Вторая половина 1990-х годов в процессе формирования российской политики на постсоветском пространстве ознаменовалась выдвижением концепции "разноскоростной интеграции", в результате реализации которой с 1995 года на постсоветском пространстве стали появляться новые региональные и субрегиональные объединения – Таможенный союз (1995г.), Союз Беларуси и России (1997 г.), ГУАМ (1997 г.) Шел поиск компромиссных форм отношений России с новыми независимыми государствами, позволяющих сохранять определенный уровень взаимной торговли и производственной кооперации. Но в итоге: постепенное воспроизведение сценария западноевропейской интеграции, но с учетом опыта стран "новой" (Центральной Восточной) Европы.

◆ С началом 2000-х годов начался третий этап, отличительной чертой которого стал явный дрейф политики России на постсоветском пространстве в сторону от прозападной к евразийской логике. Очевидно, что за предшествующие периоды основная интеграционная составляющая в формате всего Содружества не состоялась, поэтому эти функции взяло на себя региональное объединение ЕврАзЭС, в рамках которого сформирован Таможенный союз, а с 1 января 2012 стало действовать Единое экономическое пространство.

Подытоживая концептуальное наполнение политики России на постсоветском пространстве за прошедшие двадцать с лишним лет, стоит отметить, что в целом она формировалась методом проб и ошибок, от колебания между Западом и Востоком до постепенного осознания собственного национального интереса на постсоветском пространстве.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алма-Атинский протокол к Соглашению о создании Содружества Независимых Государств и Алма-Атинская декларация от 21 декабря 1991г.// Внешняя политика и безопасность России. 1991–2002. В 4-х тт., Т.IV., М., 2002., сс.17–19.

2. Беловежские соглашения от 8 декабря 1991г. // Внешняя политика и безопасность России. 1991–2002. В 4–х тт., Т.IV., М., 2002., сс.12– 17.
3. Вардомский Л.Б. Взаимное сотрудничество в контексте экономической динамики стран СНГ. // Социально–экономическое развитие постсоветских стран: итоги двадцатилетия. ИЭ РАН., М., 2012., с. 380.
4. Глинкина С.П., Орлик И.И. Евразийская идея на постсоветском пространстве.// Глобальная экономика и жизнеустройство на пороге новой эпохи. М., 2012., сс. 212– 242.
5. Евразийское пространство: интеграционный потенциал и его реализация. Алматы., 1994., сс.3–12.
6. Евразийство. Теория и практика. М., 2001., с.7.
7. Европейская политика соседства: шансы и риски для России. Под ред. С.П. Глинкиной. М., РАН, Национальный инвестиционный совет, 2008.
8. "Концепция внешней политики Российской Федерации" 1992 года. // Внешняя политика и безопасность современной России (1991–1998). Хрестоматия в двух томах. Т.2. Документы. Сост. Шаплеина Т.А. М.: МОНФ, 1999.сс 21–35
9. МИД России. Обзор внешней политики Российской Федерации. 28 марта 2007. Москва. (http://www.mid.ru/brp_4nfs/sps/3647DA97748A106BC32572AB002AC4DD).
10. Назарбаев Н. О Евразийском союзе государств. // (<http://intertraditionale.kabb.ru/viewtopic.php?f=10&t=1396>.) ; Программные документы Общероссийского Политического Общества Движения Евразия. М., 2001.
11. Селиванова И.Ф. Эволюция и условия реализации интеграционной политики России постсоветском пространстве.// Новые независимые государства в современных международных отношениях. Вестник научной информации №1, 2013, часть 2.Институт экономики РАН., М., 2013.
12. Современная мировая политика. Прикладной анализ. Под ред. Богатурова А.Д. М.: АСПЕКТ ПРЕСС, 2009., с.44.
13. Стратегический курс России с государствами–участниками Содружества Независимых Государств. Утвержден Указом Президента Российской Федерации от 14 сентября 1995г. N 940. // (<http://yandex.ru/yandsearch?lr=213&text=%D1%80%D0%B0%D1%82%D0%B5%D0%B3%D0%>).
14. Уткин А.И. Мировой порядок XXI века. М., 2001, с. 118.
15. Фурман Д.Е. О будущем "постсоветского пространства". // Свободная мысль., 1996. №6., сс.36–50.
16. Шурубович А.В. Некоторые теоретические аспекты экономического взаимодействия стран СНГ. Научный доклад. ИМЭПИ РАН., М., 2000., сс.36–37.
17. Юргенс С., Гонтмахер Е. Россия XXI века: образ желаемого завтра: Доклад ИНСОР. М., 2010.

© П.В. Салимов, (parvaz@mail.ru), Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»,

Дипломатическая Академия МИД России